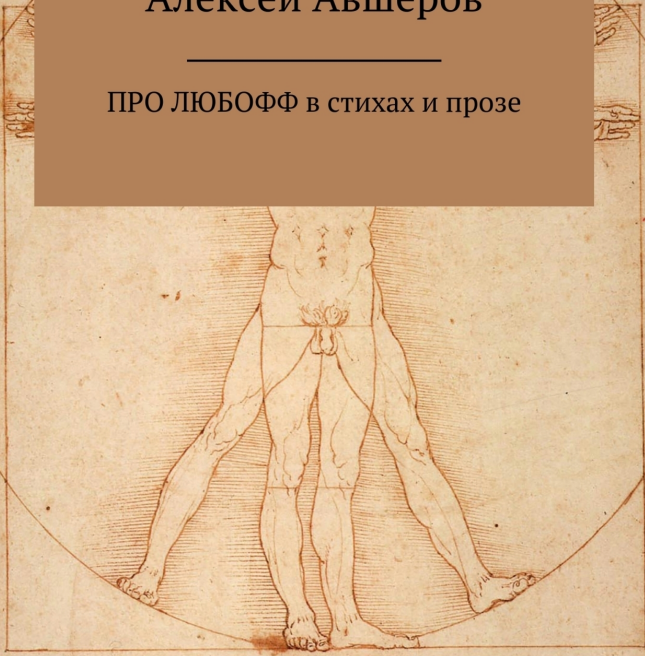

Handwritten text in a cursive script, likely a manuscript or a page from a book, positioned at the top of the page.

Алексей Авшеров

ПРО ЛЮБОФФ в стихах и прозе

Handwritten text in a cursive script, positioned below the anatomical drawing.

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Handwritten text in a cursive script, positioned at the bottom of the page.

Алексей Авшеров

Про любофф в стихах и прозе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67055271

SelfPub; 2023

Аннотация

Друзья! Допускаю, что именно с этой безвозмездно размещенной новеллы, вы начнете (или не начнете) знакомство с Алексеем Авшеровым, антигероем в сознании большинства, неконформистом и примером для носителей альтернативных взглядов. Он интроверт, не чуждый мизантропии, гедонист и в будущем сибарит, к тому же ипохондрик. Всю жизнь Алексей стремился к независимости от общества и государства, боролся за это и, став обеспеченным человеком, наконец, обрел ее. Перипетии судьбы Алексея Авшерова правдиво и с долей самоиронии описаны в романе «Жулик». Непросто складывалось у героя с женщинами и только дружба с Елдаковым (Сыном Неба) вселила в него уверенность. Алексей быстро понял, что путь к долгожданной интимной близости с ними гораздо короче, чем принято считать у мужчин и реализовал это. Если судьба Алексея читателей зацепила, свой интерес они смогут удовлетворить, прочитав роман «Жулик» – микст детектива, эротики и современной прозы. Автор пишет под псевдонимом.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЯХТСМЕН
ДОХТУРША

5
15

Алексей Авшеров

Про любофф в стихах и прозе

Бабники редко думают

сразу о целой бабе.

Ежи Карецкий

В этих рассказах, дорогой читатель, я дам отдохнуть твоей фантазии, возбужденной в романе «Жулик» нулями украденных миллиардов и расскажу несколько правдивых историй о женщинах, ставших неотъемлемой частью моей жизни. Моралисты, дабы не волноваться и не ругать автора, дальше могут не читать, остальные – welcome!

ЯХТСМЕН

В Анапу я приехал в 2000 году учиться виндсерфингу. Накопленный за зиму в горах адреналин пропал, начались ломки, и серфинг мог вштырить снова. Поселился я у Лидии Степановны, замечательной старушенции. Первые дни она косилась и, убедившись, что не пью, занимаюсь спортом, оттаяла и похвалилась соседке: «Яхтсмен живет!» Слово «серфингист» она не понимала.

Усадьба бабы Лиды состояла из дома хозяйки и постоянного двора, заставленного сараюшками для сдачи. В таком «курытнике» жил и я, другие тоже не пустовали. Дверь в дверь со мной обитали две девушки из Москвы. Одна – яркая блондинка с точеной фигурой, правильными чертами лица и непомерными амбициями, другая – смуглая, с лицом индейского вождя в исполнении Гойко Митича, хотя при теле. Мы познакомились, и я поинтересовался их отдыхом.

Блондинка, скорчив мордочку, пожаловалась на скуку, вторая, мыча, поддержала подругу

– Купались ночью? – спросил я. – Вода супер!

– Сегодня можно? – ухватилась красивая.

– Договорились, – сказал я и ушел на море.

Весь день дул плотный южак, и, накатавшись, уставший, но довольный, я еле приполз обратно. Солнце село и, наслаждаясь вечерней прохладой, я без сил вытянулся на кровати.

Из дремы вывел голос:

– Предложили искупаться, а сами спите!

В дверях, с шампанским и покрывалом, стояли неугомонные соседки.

Я нехотя встал и поплелся выполнять обещание. Компанию нам составила только луна, освещавшая море и камни ярким неоном. Выстрел пробки и треск шоколадки оживили безмолвие. Вино быстро закончилось, и, напомним девушкам о цели прихода, я разделся. «Вождь краснокожих» собралась за мной, однако блондинка что-то зашептала ей на ухо. Я расслышал, как «смуглая» возражала: «Не знаю... Ты как хочешь, а я пойду» – и она, сняв просторный сарафан, осталась в чем мать родила. Взявшись за руки, осторожно ступая по скользким камням, мы вошли в море. Когда вода поднялась выше пояса, я притянул телку к себе. Большие сиськи уперлись в мою грудь.

– Холодно! – девушка задрожала от возбуждения. Почувствовав меня внутри, она застонала, сперва тихо и робко, затем все громче, срываясь на крик.

Рядом плюхнуло. Один раз, другой. Девица тоже заметила это. Шлепки приближались все ближе.

– Подруга камнями кидается! – догадался я.

– Дура! – ответила девушка.

– Что ей мешает примкнуть и не хулиганить?

– Месячные пришли. Сама тебя хотела!

– Кончай быстрее, пока нам бошки не разбили!

Домой мы возвращались в гнетущем молчании.

Ночное приключение разбудило во мне альфа-самца. Инстинкт требовал ежедневных «жертв». С трудом перенося разврат, общественность микромира поставила ультиматум хозяйке: или я с «блядьми», или они, нравственные и порядочные. Успокоив теток, бабушка настояла на моем целибате. Стараясь найти компромисс с товарками, я выбрал наименее воинственную и привел ночью к себе. В пылу соития баба разошлась, ором сведя на нет мое обещание. Скандал разгорелся с новой силой. Удовлетворенную предательницу подвергли остракизму, а довод, что она «ваша», не приняли во внимание. Под давлением масс Лидия Степановна дала мне час на сборы. Расстроиться я не успел: приехал Веник, и мы отправились искать совместное жилье. Комнату нашли быстро и, проведя день на море, вечером вышли в люди.

В кафе напротив сидели две телки и пили вино. Я предложил Венику подсесть к ним, но тот отказался: трезвым кадриться он не мог. Я пошел один, и они радостно приняли меня в компанию. Барышни отличались друг от друга: одна – блондинка спортивного вида, другая – роскошная брюнетка с глубоким декольте и налитыми грудями. Спортсменка приехала из Дзержинска, сисястая – из ерофеевских Петушков. Они оказались коллегами и служили в прокуратуре. Я не поверил, и девушки, смеясь, показали ксивы. Веник дошел до кондиции и тоже подсел к нам. Вечер завершился логично. Мы допили вино и парами разошлись в темноту. Мне до-

сталась светленькая. Расположившись в парке, мы разговорились. Оказалось, что кроме закона девица защищает ворота сборной страны по хоккею на траве. Немного поболтав, я разложил вратаря на лавке, прикрытой от посторонних глаз, зеленью. Она ждала подвига. Ночь вспугнули сирена и свет фар. Я нагнулся над ней.

– Чего остановился? – она приподняла голову.

– Там менты. Пусть проедут.

– Продолжай. Удостоверение есть, отмажу.

Давясь от смеха, я закончил начатое.

Веник ничем таким похвастаться не мог и утром заявил, что прокурорши его больше не интересуют. Зато волновали меня, особенно темненькая. В том, что консенсуса достигну и с ней, я не сомневался. Подруги и сестры, тети и племянницы передавали меня, как эстафету. Сын Неба не раз совершал «инцест» и с дочками, и с их мамами.

Добиваясь цели, я повсюду таскался с новыми знакомыми, однако уединиться с брюнеткой не получалось: предвидя адюльтер, вратарь не оставляла нас вдвоем. Наконец повезло. В отсутствие спортсменки я затащил богиню в море, и мы поплыли на фарватерный буй. С трудом добравшись до цели, девица ухватилась за скобу, и я начал атаку. Она не сопротивлялась. Будь под ногами земная твердь, пенетрация прошла бы на раз-два, но когда под тобой более десяти метров глубины, инстинкт самосохранения не вовремя подавляет остальные.

Время шло. Телка болталась рядом. Волны предательски разлучали готовые вот-вот сойтись тела. Я боролся с морем, эрекцией и женским равнодушием. Развязка наступила быстро. Руку, которой я держался за буй, сковала сильнейшая судорога. Я практически достиг цели, но организм, выбрав жизнь, начал избавляться от предназначенного брюнетке. Раздираемый болью и оргазмом, я закричал и вдруг услышал: «Вы тонете?» Рядом вынырнула голова в очках и шапке. «Голова» удивилась не меньше нас, встретив здесь посторонних. Кривясь от боли, я успокоил пловца, и тот погреб совершать моцион дальше. За ним к берегу уплыла и богиня, а я долго разминал руку, боясь отпустить спасительный поплавок.

Спустя год, в августе, я вновь оказался в Анапе. Уже опытный, жилье теперь я искал с понимающими хозяевами и, обходя частный сектор, нашел оптимальный вариант. Курорт там держали мать и сын-балбес, которому я без обиняков выложил условия. Парень понимающе усмехнулся и повел в глубь сада. Здесь под раскидистым орехом стояла хибара. Внутри царил курортный минимализм: диван, стол, стул. Дав хорошую скидку, он добавил:

- Дешевле комнату с кондером не найдешь!
- Где он? – я осмотрел обшарпанные стены.
- Здесь! – «сынок» подошел к окну и, отодвинув пыльную занавеску, ткнул пальцем в проем. Тот прошел насквозь. Стекло отсутствовало. – Всегда работает и электричество не

жрет! – заржал он.

Проверив надежность ложа, я согласился.

Жилище быстро обрело популярность. Бабы разных возрастов, форм и размеров уверенно протоптали туда дорожку. Одна из «клиенток» оказалась советником юстиции 2-го класса и опять прокурором. Дама имела военную выправку, огромный бюст и харизму руководителя. Попробовав раз, она заявила:

– Завтра в это же время! Чтоб дома был!

Мое неприятие силовиков возмещалось любовью их женской половины, и часик за ней я оставил.

Приехал Веник. Встречу мы отметили в кафе, где засиделись до утра. Компанию нам составили молоденькие пэтэушницы, пьяные и глупые, поэтому вопрос, что делать дальше, не стоял. Пока то да се – рассвело. И тут я вспомнил, что прокурорша сегодня уезжает и перенесла randevu на десять. Часы пропикали девять, а утомленная сексом аборигенка спала без задних ног. Я растолкал ее, и она сладко зевнула:

– Сначала еще раз, потом кофе и шампунь.

Ускоряя процесс, я поставил чайник и, пока он кипел, выполнил первое задание. Кофе пролетел так же быстро, а мытье головы, сушка и укладка заставили волноваться. Хронометраж трещал по швам, а девка, не торопясь, подводила брови. От безнадёги я попросил хозяйского сынка задержать юстицию.

– Что я ей скажу? – затупил он.

– Не знаю, спой, если в голосе!

Ровно в десять я выпихнул «ночную бабочку» за ворота. Улица, хвала небу, радовала пустотой. Завернув за угол, мы дошли до остановки, и подъехавшая маршрутка забрала прелюбодейку. Когда я вернулся обратно, посередине двора, никого не стесняясь, метала молнии прокурор.

Хозяйка как могла успокаивала буянку:

– Вот же он, а мне шепнула: – Повезло тебе!

Допросив меня где болтался, прокурор разомлела на еще теплом месте пэтэушницы и отдалась нахлынувшему чувству.

– Супер! Так страстно и долго! – похвалила бабенка и, всплакнув на прощание, добавила: – Как я теперь без тебя буду? Ума не прилажу...

«Просто кончить не мог», – чуть не ляпнул я.

Через год прокурор сама подошла на пляже:

– Ты все там же? Вечером зайду!

– Боюсь, мой новый друг не поймет это!

– Какой друг? Ты гей? – и, скептически оценив Веника, она ретировалась. Тот давился от смеха.

Попав на вечный «праздник жизни» я не мог сдерживать эмоций:

Опять один и слава Богу!

И все приходит понемногу,

К той постоянной суете –

И летом жизнь летит ко мне!

Я не большой знаток прогнозов,
Но знаю то, что нужно мне:
Дай Бог, дожить бы до морозов
И жизнь в привычной колее.

И снова лыжи, солнце, горы,
Все то, что греет сердце мне,
А летом: ветер, волны, море,
И счастлив жизнью я вполне.

Зачем мне должности и злато,
Всегда быть сверху на коне,
Когда для жизни мало надо –
Гармонию найти в себе!

Ведь человек рожден для счастья,
А не расхлебывать ненастья,
Он приглашен на жизни пир –
Затем пришел я в этот мир!

Пройдет пятнадцать лет и, покидая «самый скверный городишко из всех приморских городов России», я напишу это:

«Прощай, убогая Ана...па!» –
Я с удовольствием пишу,
И, помахав на память шляпой
Поведать правду поспешу.

Прощайте чур...ки: греки, турки,
И с ними прочие хачи,
Одним теперь играть вам в жмурки,
Деля курортные харчи!

За деньги вы на все готовы:
Продать себя и всех купить,
Придет июнь, а значит снова,
Вы будете по волчьи жить!

Обманывать людей, друг друга,
Сдавая на сезон жилье,
Живя по замкнутому кругу,
Вы превращаетесь в жулье!

Культуры ноль, душа уныла,
А счастье все никак не прет,
И ваша жизнь – сплошное «мыло»,
Что день по телеку идет!

Тупите больше с каждым годом,

Причем народ уверен весь,
Что край земли за огородом,
И центр мира где-то здесь.

Разубеждать ни в чем не стоит,
Вселяя в подсознание муть,
Не зря зовут вас «куба...ноид»,
И в этом вашей жизни суть!

ДОХТУРША

Посвящается

Третьяковой Елене,

дерматологу МОНИКИ

им. М.Ф. Владимирского

Солнце неумолимо падало в море, санаторский пляж быстро пустел, а тетка в годах с поредевшими пергидрольными волосами, как ни в чем ни бывало, храпела на лежаке рядом. Пелевин про таких писал: «Возраст уже благополучно эвакуировал ее из зоны действия эстетических характеристик», но жирная грудь ее эротично оттягивала купальник.

Выждав, когда вечерняя прохлада приведет бабу в чувство я пристал к ней, и мы договорились встретиться после ужина.

В мой номер визитерша вошла готовой ко всему. Ярко накрашенное лицо слащаво улыбалось, сиськи в пуш-апе стояли как Эльбрус, ажурные стринги делили здоровую задницу на две булки. Однако без сюрпризов не обошлось. Ее «домашний» кавалер любил заросли в бикини и спрашивал каждый раз перед сексом: «Бахча выросла?» Растила она усердно и с пышным «огородом» пришла ко мне. В постели ждал еще реприманд: синяя моль на левой ягодице и серьга в клиторе. Ко всем мужским прихотям дама готовилась основа-

тельно и серьезно!

Тетка работала врачом в Москве и оказалась весьма кстати. Расставшись с Мариной Щимировой, проблядушкой из Удольмы, я искал ей замену и появление дохтурши восстановило гормональный обмен.

Такая же беспринципная и порочная, преемница оказалась любительницей БДСМ. Желая удивить, как-то на свидание она пришла в красных туфлях, розовом белье и с алым чокером на шее. Не оценив маскарад, я отымел фантазерку у зеркала, и наручники с плеткой остались невостребованными.

Мы начали встречаться, и я лучше узнавал ее. Поначалу врачаха производила эффект интеллигентной дамы: одевалась строго, имела степень кандидата наук и вела активную культурную жизнь, посещая театры и выставки. Но первые впечатления, как говорить, обманчивы. Уехав из деревни, доктор увезла ее с собой! Она страдала от массы комплексов. Внешних – большого носа и огромной ступни, а также внутренних, главным из которых был синдромом Мессалины. Обложенная запретами в детстве, повзрослев, она стала избавляться от них, меняя любовников. Отдаваясь новому, она чувствовала себя желанной, востребованной и на время успокаивалась. Хватало не на долго. Статус партнера роли не играл. Медик давала и сильным мира, и гастарбайтерам, и летчикам, и морякам! Имелся даже свой художник. Тот вызывал ее как врача на дом и, закрывшись от жены в комнате,

она делала ему минет.

Год спустя дохтурша вновь приехала в санаторий «Металлист». Я там принимал ванны, массаж и в ее номере заканчивал оздоровительный процедуры.

Однажды врачиха напросилась в гости и осталась на ночь. Легли спать, она захрапела. Вставив беруши, я так и не уснул – под боком гудел паровоз!

Поднялись рано. Не сомкнув глаз, смотреть на бодрую и свежую докторицу, я не мог. Она торопилась к завтраку и санузел заняла первой. Смывая следы грешной ночи, медик что-то мурлыкала себе под нос, долго красилась и сушилась. Она не выходила минут тридцать. Я терпеливо ждал, потом крепился, лихорадочно соображая, куда отлить. А вдруг захочу чего-то большего? Нешуточный страх овладел мной!

– Готова! – отозвалась она, и замок щелкнул.

– Пока! – переминаясь с ноги на ногу, я открыл дверь на лестницу.

– Проводи! Охрана скажет: «Блядь выгнали!»

«И будет права!» – подумал я, вызывая лифт. С 13-го этажа мы ехали целую вечность. Внизу доктор продолжила изливать любовь и не думала прощаться. «Когда же ты уйдешь, сука!» – паниковал я и, наконец, расставшись, понесся обратно. Лифт, по-моему, не полз, а стоял на месте! Попав в номере куда очень хотел, я облегченно вернулся к жизни.

Однако геморрой и не думал отступить. На столе, мигая светодиодом, лежал забытый врачихой телефон! Перспекти-

ва вновь видеть ее ужасала. В одних трусах, кивнув удивленному охраннику, я рванул в гору и, пробежав метров триста, с трудом выполз на остановку. Она, слава небу, еще не уехала. Отдав пропажу, держась за ноющий бок, я с трудом плелся обратно в корпус.

Протрахались мы года три. В 52 года у докторицы пропали месячные, испортился характер. Лоно иссохло и грешить не получалось. Она стала порицать то, на что по старости оказалась уже не способна. Климакс и раскаяние овладели ей. Баба скорбела о потерянном навсегда женском счастье, и в этом помочь ей я не мог.

Как-то медик рассказала о своем конфузе. Вместо заболевшего коллеги, ее неожиданно направили в богом забытую районную больницу. Толком не успев собраться, поехала. Пока добралась, стемнело: стояла поздняя осень. Заночевала. Пошла в кабак ужинать, а там мужик подвернулся. Напилась и только у него дома вспомнила, что пятки до черноты грязные и месяц не брила ног. Отказать уже не могла: парень настроился, да и у самой зачесалось. Говорит ему: «Я тебе дам, но сапоги снимать не буду». Залезла голая на кровать и прела в ботфортах до утра, пока он драл ее.

Вспоминая дохтуршу, я задумался, кому из нас повезло больше.

Романтизм не обошел стороной наши отношения. Я посвящал врачихе стихи, но муза моя плохо возбуждалась от вида медика! Стишки вышли так себе, поэтому не обессудь-

те!

ИМПРЕСИОНИСТ

Один кубист по прозвищу Манне,
На выставке крутого авангарда,
Однажды предложил любезно мне,
Попробовать себя в стихах поп-арта.

Все дело в том, что в тягостном бреду,
Который день, страдая от безделья,
Он на холсте намалевал манду,
Плюс что-то непонятное, с похмелья!

Махнув еще немного грамм,
Он осмотрел недоразуменье,
Холстина обнажала срам!
Но как же обозвать творенье?

Добавив фаллос в натюрморт,
Он обозначил в миг концепт,
Картина вышла первый сорт:
«В лоне вибрирующий адепт»!

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ

Ты далеко, и на моих губах,
Ланит твоих осталось трепетанье,
Быть может в самых сокровенных снах,
Опять твое увижу очертанье.

Ты утром умываешься росой,
И возбуждаешь в людях некий дар,
Не одевайся, подожди, постой!
Я не Манне, но в чем-то Ренуар.

Чулки, подвязки, чокер красный,
Сюжет для смелого кино,
И секс! Конечно, безопасный:
Адепт влезаящий в лоно!
О ТЕБЕ

Сегодня ты была прекрасна,
Мила со мной, как никогда,
И день прошел, и стало ясно,
Что я хочу тебя всегда!

Хочу ласкать большие груди,
И чувства мне не побороть,
И думать не могу что будет,
В твоей вагине чья то плоть!

Хочу тебя, поставив раком,
Член положить меж ягодиц,
И трахать от души, со вкусом!
До истощения яиц!

Хочу любви и чувства роста,
Но если верность не акцепт –
Я буду знать, что это просто,
В лоно вибрирующий адепт!

ЭПИЛОГ

Но время шло, года летели,
«Ни что не вечно под луной!»
И ваши связи ослабели,
Весна закончилась зимой.

Манне, забыв бывшее чувство,
Гуляет где-то, не таясь,
Бубнит: «Все это для искусства!»
И у тебя другая связь.

Ты бродишь грустно по квартире,
Прошедшего немного жаль,
Нет постоянства в этом мире,
Страшит неведомая даль.

О прошлом здесь напоминает,
Его картина на стене,
Грядущее лишь только знает,
Адепт ебущийся в лоне.

ПРО ТЕБЯ

Тебя нет рядом, вот оболком!

И хуй томится, вспоминая,
Как машет жалобно крылом,
На жопе бабочка цветная!

Гордо по жизни несешь свои формы,
Сиськи и жопа, но главный прикол,
В стиле одной феминистской реформы,
В клиторе нежном модный прокол!

Знают немногие: знает милиция,
Знают врачи и знает столица,
Что между ног и в жопу твою,
Дяди суют писю свою!

О СЕБЕ

Шумит волна, не зная горя,
Смотрю в бескрайний горизонт,
Ты на песке другого моря,
Ты в Греции, а это ПОНТ.

В тени седого Парфенона,
Под сенью греческих олив,
Стрела лихого Купидона,
Невинности разбила миф.

Твои уста ждут поцелуя,
Томится в предвкушении грудь,

В преддверие большого хуя,
Лоно вибрирует чуть-чуть.

И кто же он, манды избранник:
Могучий пень, как у коня?
А может юный сладострастник?
А может это буду я?

Хорош собой, душой спокоен,
Фигура – стройный кипарис,
И был бы я спартанский воин,
Коль не был истинный нарцисс.

Своих страстей давно невольник,
И жар в груди не побороть!
Я женских прелестей заложник,
Они опять волнуют плоть!

Не избежав когтей порока,
По жизни медленно бреду,
Чтоб было так не одиноко,
Пизду меняю на пизду!
В БРЕДУ
Вся наша жизнь одно дерьмо,
Ты не успел еще родиться,
И вот уж надо торопиться,

Где все кончается само.

Я с нетерпением жду весны,
Грядущего пока не знаю,
Вот только бицепс подкачаю,
И все проблемы решены

Накачан бицепс, трицепс, ноги,
И жопа радуется глаза
«Пора нажать на тормоза!»
Сказал с улыбкой тренер Гоги

Как тенор, в ожидание пробы,
Иду с волнением в народ,
Того не зная, идиот,
Во мне во всю живут микробы!

Ни бицепс, трицепс, все не тема,
Мечусь в жару без задних ног,
И кто б вчера подумать мог,
Что жизнь и смерть одна дилемма!

Законный просится вопрос:
Зачем вообще на свет родиться,
Чтоб мучиться и разложиться,
Увидев только коматоз!

Автор: e-mail avsherov@rambler.ru

<https://ok.ru/profile/584402954881>